

«Кто с ружьем ходит да удочкой удит, у того никогда ничего не будет» — категорично утверждает народная мудрость. Эту пословицу сформулировал владелец зажиточного крестьянского хозяйства, быть может, еще до похода Ермака, до завоевания Сибири. И вот наше сибирское рабоче-крестьянское большинство, возгордившись тем, что в отличие от малых, в основном лиственных лесов России, преизобильная тайга-тайжище, урманище, глухоманище распластнулась от Урала до Тихого океана сплошняком, богато-богатущая и сосновыми борами и кедрочками, и уремами ягодными, всяким зверьем промысловым, меховым и мясным, и реками рыбными, негласно законоположило, что если ты собственноручно ни рыбки, ни шишки-ягодки из тайги, то никакой ты не мужик, тем более не сибиряк, а жалкий сухарь, человек в футляре.

Но люди созданы не по шаблону. Композиторы, музыканты, изобретатели, поэты, философы, астрономы витают в неземных сферах, и ни боже мой к ним с жесткими, примитивными мерками! А в тайгу с ружьями и с корзинками ходили и будут ходить всегда, непременно с любовью и чистым сердцем, с распахнутыми от счастья глазами!

Жили-были в деревне Шандруковке Силантий Погодаев и Яков Черных, свояки. А иной свояк родного брата родней. Большие хозяйственные дела они всегда проворачивали сообща. Силантий главенствовал. Он был старше на три года, ростом повыше, широким разворотом плеч и высоко поднятой головой хлеще, могучней Якова выглядел.

Работали они в колхозе на конном дворе, сани, телеги ремонтировали, шорничали, возчиками трудились. В любое время с согласия бригадира могли на день-другой сорваться по своим делам. А на охоту брали свой трехнедельный или административный отпуск на месяц. Предоставлялся такой по закону охотившимся по договору. А то и оба отпуска брали сразу. Считали своим священным долгом побелковать, пособолевать в первой половине зимы по договору с коопзверосовхозом. И сыновьям своим не запрещали шататься с ружьишками за дичью.

В тот день утянулись ажно за четвертый увал. По заведенному обычаю не разбредались далеко в стороны друг от друга, а двигались параллельными маршрутами, и когда Полкан Силантия находил белку, Яков слышал лай собаки и выстрел свояка. Когда же Силантий улавливал лай Найды и выстрел Якова, он понимал, что и свояк тоже благополучно начал счастливый промысловый денек. Вечером они скликались и возвращались домой рядышком, как и собаки их. Полкан — крупный пес темной масти в белых «чулочках», с белым брюхом и белыми глазками над глазами — это признак злобности и бесстрашия. Типичная сибирская лайка. Найда — сука меньше статью, наполовину рыжая, порода — не разбери-пойми.

Ближе к вечеру услышали, что собаки гремят по крупному зверю. О белке охотничья собака извещает коротким тьякньем, явно незлобным, она как бы жалеет найденную белочку. Соболя облаивает активнее. Ну, а сохатого громогласно. Медведя же на самых высоких нотах, с полной яростью, как говорится, «берет на приступ».

Охотники стояли невдалеке от густущего мелкого сосняка, откуда доносился лай собак и рявканье медведя, то ли шатуна, то ли некстати поднятого из берлоги, и шарили в патронташах и по карманам жаканы, но, как на грех, даже с картечью патронов не было, почти исключительно бекасинник. Только в котомке у Якова заваялся один патрон, заряд не фабричный, домодельный, с самокатаной круглой пулей. Без лишних прений он протянул его Силантию, тот немедленно вставил дорогую находку в правый ствол тулки. Свояки понимающе обменялись долгим взглядом: именно эта единственная пуля должна, мол, спасти их, разгильдяев, если не удастся по-хорошему, по-мирному разминуться с Топтыгиным.

Тщетно пытались отозвать собак, те раззадорились, честно выполняя свою работу — держать зверя до подхода охотников, и не понимали, почему они мешкают. Вдруг грохоток лая оборвался, и из чащи сосняка выкатился матерый медведь и ринулся на охотников. Его преследовала лишь Найда, но не напористо. Было ясно, что с Полканом приключилась беда, удалось, видимо, зверю ранить или убить его. Разозленный собаками медведь решил расправиться с их хозяевами. Бурая машина огромными прыжками быстро приближалась.

Силантий однажды участвовал в охоте на медведя в берлоге. Там никакого риска для охотников, бедняга медведь обречен быть убитым в первые же секунды. Бывает, его застрелят в самой берлоге, едва он покажется на белый свет. Легко поражать крупного зверя, когда он к тебе боком, все убойные места, голова, лопатки, сердце налицо, как в тире, бери на мушку и нажимай на спусковой крючок. А вот если он мчится на тебя, и на мушке лишь его лобастая морда, как быть, куда

бить?! Есть поверье, что круглая свинцовая пуля, подлетев по касательной траектории, не пробьет крепчайшую лобовую кость, срикошетит и уйдет в пустоту. Так ли это, неизвестно. Но иного не дано, и Силантий, подпустив зверя на двадцать метров, выстрелил тому в лоб в конце очередного прыжка.

Медведь распластнулся во всю длину туловища и лап, мордой в снег зарылся!.. Охотники, затаившие дыхание, облегченно выдохнули. Они уже инстинктивно готовились к безобразной неравной схватке и кровавой кончине, они уже мысленно прощались с жизнью, и вот (о, счастье!) грозный хищник повержен. Только совсем ли?.. Быть может, он лишь ранен?.. Пуля, может, лишь оглушила его на минуту, травмировала и ушла в пустоту?.. Эх, еще б одну пульку!..

Разинув рты, охотники глазели на лежавшего зверя, они боялись поверить, что спасены, и, вопреки логике, как будто ждали продолжения охватившего их ужаса. И минуты через две ужас продолжился. С болезненным утробным рыком медведь поднял голову, медленно подтянул к себе растопорщенные лапы и стал подниматься медленно-медленно. Ну неужели ж дожидаться, когда он поднимется, когда полностью очухается и, собравшись с силами, ринется на них?! Двадцать метров он одолеет ровным счетом в четыре прыжка!.. И друзья поспешно грохнули дробью из всех четырех стволов.

Позже, когда все закончилось, свояки, снимая стресс, вволю поохотали, вспоминая этот залп без всякой надежды на маломальский эффект. Ну, что медведю, как и тому слону, дробь?! Лишь пощечочет. Однако ж могучий зверь резко рухнул и замер в прежнем положении, и лежал недвижно значительно дольше, и шевелиться начал медленнее, чем в первый раз. Напрашивалась догадка, что зверь обездвижен, а стрелять в него дробью бессмысленно вообще. Но у страха глаза велики, а соображаловка мала, и вскоре все повторилось, опять смертельно раненый зверь получил щедрую порцию дробли по морде.

Запоздало и с чувством вины за свою бестолковость охотники заметили, что действуют у медведя лишь передние лапы, что приподнимается лишь передняя часть туловища, что трусоватая Найда, злобно урча, безнаказанно терзает холку медведя, а они, дуroupлясы, с судорожной поспешностью уже перезарядили ружья, готовясь к очередному залпу!..

Потребовался завершающий удар топором (имелся таковой у Силантия!) по черепу медведя, покрытому сплошным слоем дробли, что обнаружилось при снятии шкуры и послужило поводом для долгого веселого смеха.

Осматривая массивную тушу, обратили внимание на кровоподтек и травму на самой ее середине. Расколував раздробленные позвонки, нашли слегка сплюсненную пулю, которая перебила спинной мозг, что мгновенно парализовало задние ноги медведя.

— Оставлю ее на память, — промолвил Силантий и сунул в карман суконной куртки.

Мясо забросали снегом, решили вывезти утром на нартах. Похоронили Полкана, который десять лет безупречно служил хозяину. На этом закончился столь памятный для охотников день.